

ПИСЬМА СКИМНИНА.

1254

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ 1813 года.

891.1L979

и 5

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Exchange

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлено было въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министертва Просвѣщенія: два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, С. П. бургъ Марта 24 дня 1813 года.

Цензоръ Гр. Яценковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣкоторыя изъ сихъ писемъ отрывками
читаны въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слѣ-
ва, и по счастію сочинителя благосклонно
приняты были. Благосклонность ободря-
етъ духъ. Нынѣ издается полное собра-
ніе сихъ писемъ.

Онѣ писаны давно. Въ нихъ безъ со-
мнѣнія найдутся неисправности, молодому
теловѣку свойственныя; но Сочинитель,
будущи по лѣтамъ своимъ не тѣми уже
игрушками занятъ, какими занимался пре-
жде, не стелъ нужнымъ исправлять ихъ
потому, чтобы лигиною холоднаго благо-
разумія не ознобить терты молодости,
которая и въ самой рѣзвости своей при-
влекательна и завидна.

По симъ причинамъ издатель рѣшил-
ся ввести Скимнина въ свѣтъ со всѣми его
недостатками. Онъ молодъ, неопытенъ,
но съ сердцемъ, живыми чувствами нали-

II

таннымъ. Просвѣщенные люди можетъ
быть ему посямются, свѣтскіе его пре-
зрятъ, — но добрые люди конечно его не
оставятъ, а онъ непримѣтно привьется
къ сердцу тѣхъ, которые знаютъ любви
прямую цѣну. — Тутъ исполнится не толь-
ко цѣль его, но и предметъ всей его жизни.

ДРУГУ МОЕМУ.

Оживленное тобою сердце, тебѣ же посвящаетъ лучшую часть существа своего. Ты, мой другъ, воскресила въ немъ чувствованія, тебѣ они и принадлежатъ. — Пусть мои письма, сердцемъ однимъ составленные, останутся у тебя памятникомъ того, которому ты живущее въприслугъ твоей родовой щастіе силою крѣпостнаго акта подарила въ вѣчное владѣніе.

Вспомни ты, какъ смерть зміѣю

Прямо въ домъ мой приползла,

Въ сердце бросилась спрѣлою,

Гдѣ душа моя жила!

Свѣтъ очей красы затмился!

Замерла любовь въ устахъ!

Домъ въ могилу превратился!

Смерть казалась на стѣнахъ!

Дѣти, какъ пшеницы безкрылы,

Тщешный издавали стонъ!

Ночь и день мы говорили:

Гдѣ твой другъ? — скажи, гдѣ онъ?

Тутъ какъ Ангелъ ты прекрасный

Въ домъ печали снизошла!

Собрала сиротъ несчастныхъ

И сквозь слезы ихъ сочла!

Дѣти рѣчь твою ловили,

Въ взорахъ — радость нѣжныхъ лѣтъ!

Въ сердцахъ — жизнь ихъ находили,

Въ разумъ твоемъ — ихъ свѣтъ!

Ты сочла ихъ, — и волшебю
 Удалилась грусть отъ насъ!
 Усмѣхнулась — и мгновеню
 Падшій въ домъ громъ погасъ!
 Мнѣ ты душу вновь вложила!
 Сердце стало бишься вновь!
 Взглядомъ въ щасье превратила
 Плачущу при мнѣ любовь! —
 Съ твоего вѣнца злагого
 Свѣтъ мнѣ путь мой указалъ!
 О какая мнѣ обнова, —
 Я опять любить всѣхъ сталъ!
 Такъ предъ черною грозою
 Вихрь взвиваетъ прахъ сполбомъ!
 Солнце пмнѣ, лѣсъ рветъ грядою,
 Съ трескомъ молній слышенъ громъ!
 Свистъ и вой, — спада смиренны
 Въ лѣсъ скрываются съ полей!
 Рушатся жилища бренны!
 Закипѣлъ хребетъ зыбей! —
 Громъ идетъ! — Ударъ къ ударамъ!
 Всѣ дрожатъ подъ звукомъ ярымъ!
 Гибнетъ міръ среди чудесъ!
 Взглянешъ солнце! — Громъ исчезъ!
 На поля опять злая
 Выдетъ смиренный сельскій трудъ,
 И богатства пелевыя
 Всѣ къ ногамъ его падутъ!

Скиминъ.

ПИСЬМА СКИМНИНА.

№ 1.

Съ дороги изъ Вологды, Октября 15.

Вопѣ мой другъ я и уѣхалъ. — Воля своя! — Ни что мнѣ такъ непротивно, какъ разлука! Ты мнѣ часто говаривалъ, что нельзя непрерывно такъ жить какъ хочется; что дѣла, обстоятельства пребывая иногда пожертвованій, которымъ мы удовлетворять обязаны непременно; что жить для себя также нельзя; что себя слушаться не всегда должно... — Помню, всё помню, что ты мнѣ говорилъ другъ сердечный. — Вопѣ я себя и не послушался. По твоимъ убѣжденіямъ я войною пошелъ противъ самаго себя; поступилъ съ собою какъ съ злодѣемъ, — заковалъ и языкъ и сердце. Молчу, — меня везутъ — и я уже не съ вами!

Другъ мой! Ты знаешь всѣ сокровенности души моей, вычисляешь мои истинныя пользы, заботишься о моемъ щастьѣ; — скажи

мнѣ, почему я долженъ былъ разстаться съ вами? — Говори мнѣ обстоятельнѣе; я можетъ быть пойму тебя хотя нѣсколько. Жесткой человѣкъ! Зачѣмъ не велѣлъ ты мнѣ уѣхать прежде?

Ты такъ устроилъ, чтобъ я писалъ Графинѣ. — Я буду писать. — Но о чемъ мнѣ писать ей? Могуль я ручаться, чтобъ . . . Нѣтъ, будь покоенъ; я надѣюсь. . . . Разлука всѣмъ преодолеетъ, — часъ отъ часу я буду болѣе входить въ себя! Посторонніе и новые предметы на пупи разсѣютъ мое вниманіе. Я буду къ ней писать — равнодушно, холодно; буду искать мыслей забавныхъ, — я буду дышать тѣмъ, что я по крайней мѣрѣ говорю съ нею.

Ты въ самомъ дѣлѣ хорошо вздумалъ, чтобы я иногда писалъ ей и стихами. Это меня развлечетъ, займетъ. — Но чѣмъбы мнѣ такимъ заняться мой другъ, чтобы успокоило, утишило пламенные порывы и воображенія и сердца? — Пиши ко мнѣ ради Бога, а то не чѣмъ мнѣ жить будетъ!

Давно я хотѣлъ къ тебѣ писать, — да какъ нарочно проѣзжалъ я города ночью, и

только тѣмъ довольствовался, что спрашивалъ во всякомъ городѣ, гдѣ почтовой дворъ?

Съ самаго моего отъѣзда я безпрестанно считая дни; а съ вами я не помнилъ ихъ и названія. Теперь они кажутся мнѣ годами, — а тогда такъ они легли! У васъ въ Малороссіи еще тепло; въ Архангельскѣ теперь я думаю ужъ зима! — Каково то мнѣ будетъ въ Архангельскѣ? Прости мой милой.

Почтмейстеръ здѣсь такой доброй старикъ! — Онъ мнѣ сказалъ, что ему не лѣзя забывать послать письмо мое, потому что онъ отъ меня получилъ казенныя вѣсовыя — деньги! — Прости, — я ѣду, — какая ночь темная!

Куда дѣвалась моя философія? Куда дѣвалось удовольствіе въ размышленіяхъ? Гдѣ я? — Бывало какъ увижу, что въ праздничный день въ деревнѣ соберутся добрые люди и на лавкахъ передъ избою, иные сядутъ, другіе поютъ, иные рѣзвятся, играютъ, — какъ я утѣшался смотря на ихъ благополучіе! Нынѣ ѣду мимо, ничего не слышу, не вижу; а когда остановлюсь — бѣгу отъ веселья какъ

отъ чумы. Тоска во мнѣ ростетъ! — Услышу пѣсню? — Сердце забьется, глаза наполнятся слезами! — Нѣтъ, мой другъ! Мнѣ лучше, мнѣ покойнѣе, когда воешь рѣзкой вѣтръ! и рубишь меня косою дождь, а я гдѣнибудь одинъ сижу подъ деревомъ съ дубинкой — и ничего, кромѣ листьевъ, не слышу!

Съ дороги изъ Каргополя, Октября 24 го.

Человѣкъ занятой предметомъ постороннимъ не видитъ, не чувствуетъ что его окружаешь. — Чудное дѣло! — Онъ даже теченія времени не примѣтитъ! — Я иногда верстѣ 20 пѣ пробѣду, а мнѣ кажется я пробѣхалъ 3; иногда пробѣду 3, а мнѣ кажется 20.

Бѣду по дурной дорогѣ, — темно, холодно, а безпрестанно между вами. — Я часто бываю на горкѣ подѣ той самой грушей, гдѣ Графиня обыкновенно разливаешь чай! Я вижу ее въ бѣломъ платьѣ, мягкіе ея волосы перевязаны по головѣ голубой лентой, полосатая ея шаль подлѣ нее раскинута, — вечеръ такой теплой! — Солнце на закатѣ, рабочій народъ ѣдетъ домой съ поля, на берегу рѣки подѣ горою гонится стадо! — Она съ привѣтливой улыбкой подаетъ мнѣ налишную чашку! Съ такою милою заботливостію хлопочешь, чтобъ чай для меня не былъ крѣпокъ! — Рассказываетъ, что она читала. — Неподалеку отъ ней стоятъ крестья-

янскіе мальчики и дѣвочки, которыхъ она награждаетъ по заслугамъ, навѣдывается о большихъ! — Какой я сумазбродной! Чѣмъ я тебя занимаю! — Какая мечта! — Я отъ васъ такъ далеко! — Отъ чего мнѣ ни съ кѣмъ говорить не хочется? Иногда не хочется и къ тебѣ писать мой сердечный! — Къ тебѣ писать не хочется!

Я всё думаю объ чемъ мнѣ писать Графинѣ! Признайся другъ мой, — очень трудно говорить, кто сердечнаго чувства объяснять не долженъ! Такой человекъ подобенъ тому, который въ темнотѣ на 10 ти шагахъ сдѣлаетъ 50 оцупью, чтобъ только не удариться гдѣ головою.

Когда кто испугаетъ птичку и стонитъ ее съ дерева, гдѣ она бытъ привыкла, она летаетъ около него безпрестанно — и не знаетъ покою! Бытъ такъ! — и я буду бродить, какъ человекъ во тьмѣ ищущій свѣта. Коли не суждено мнѣ отдохнуть у любимаго дерева, — я около него скипаться спану!

Меня занимаетъ иногда и то, что Графиня была за мужемъ по расчету семейному, — вышла она молода, — не знала и не знаетъ,

что такое любить. Блаженъ, кто!.....
Но что я говорю? У всякаго ли разцвѣшетъ
цвѣтокъ, который ему достался? — Прости
мнѣ мой другъ, — я самъ не знаю что пишу!
Лошади гошovy.

№ 3.

Изъ Архангельска, Ноября 3го.

И ты уже успѣлъ встрѣтить меня здѣсь письмомъ твоимъ? Сердечный мой! Какой ты доброй человѣкъ! — Я какъ будто ожилъ! — и вы всѣ здоровы, — и иногда обо мнѣ говорите? Думаете о моемъ возвращеніи! — О возвращеніи моемъ думаете, а я только что разспался съ вами. — Слава Богу, что вы здоровы.

Я приѣхалъ вчера ночью. Чудное дѣло! ничего я не успалъ! не спалъ — и нѣго не чувствую; твое письмо какъ невидимая рука сняла съ меня какую-то тяжесть. Ахъ мой другъ, какъ мнѣ тяжело было! Какая грусть бѣдная! Письмо твое меня утѣшило, — я кажется спалъ совсѣмъ иной! Мой другъ, пиши ко мнѣ чаще; я себя чувствовать началъ.

Ты справедливъ! — и въ самомъ дѣлѣ! — можно ли каждой встрѣчѣ повиноваться? какъ тамъ пить, гдѣ нѣтъ воды? Гдѣ достоинство зданія, когда колеблетъ его вѣтръ? Ты справедливъ! Я изъ твоихъ дружескихъ на-

спавленій ни на черту не выду. Всѣ бы лучше, коли бы я ранѣе. Но что объ этомъ говоришь!

Я былъ у всѣхъ по дѣламъ моимъ. Боже мой, какъ дѣльные люди и глухи и нѣмы! Какіе они холодные! — Нѣтъ, не люблю я по дѣламъ паскаться! Особливо я не терплю такихъ дѣлъ, гдѣ одни копейки погоняють и судей и просителей! Въ дѣлахъ вообще — въ исканіяхъ людскихъ и въ самомъ покровительствѣ ихъ видны такія мѣлкія, такія подлая страсти!

Я нанялъ здѣсь двѣ горенки. — На что мнѣ больше? Въ нихъ часто умѣщается Богородское (*) со всемъ большимъ садомъ! — иногда наша комнапа! иногда па груша! Ахъ мой другъ! Я безпрестанно сражаюсь самъ съ собою — и безпрестанно уступаю неприятелю! — Какой я дурной воинъ! Твое письмо подлѣ меня, — я его безпрестанно перечитываю. Я сталъ право покойнѣе, — вы всѣ здоровы. — Впрочемъ что меня заставляешь такъ строго смотрѣть за собою?

(*) Деревня Графини.